

Виталий Амурский

Глазами Томаса Манна

Страницы из пропавшего архива писателя, сохранившегося
в свободном переводе с оригинала его русским почитателем

Черновой набросок

Моя страна не первый год больна,
Чему словарь ораторов свидетель,
Где в каждой речи слышится: «война»
И то, как нам врага не проглядеть бы...

Как быстро все забылось, Боже мой, –
Галиция, Верден, Версальский финиш!..
Вы спросите: на сердце тяжело ль?
Отвечу – нет. Хотя слегка тошнит лишь.

Но в каждом немце музыка жива,
И пессимисту я скажу: – Послушай,
Пусть жизнь под ритмы маршей тяжела –
Вернутся звуки, что врачуют души.

Ну, а пока развескою гирлянд
На елке из Шварцвальда бюргер занят,
Декабрьскими ветрами фатерланд
От Мюнхена до Любека пронзает.

У двери Новый год. Тридцать восьмой уже!..
Неясно лишь за запахом еловым,
Что ждет нас всех на этом рубеже,
Что ждет меня и близких в этом Новом.

Письмо из Любека

От земляка, узнавшего, что в текущем 1938 году писатель (пятью годами ранее уже покинувший Германию и отказавшийся от предложения властей вернуться на родину) собирается в США

О чем скорбите, Томас Манн? –
Хотел спросить бы вас,
Когда народ наш сыт и пьян
И обожает власть.

В почете Лютер, как всегда,
И Вагнер точно – бог,
А вы – Германия больна,
И немец – плох.

Смотрите в фильмах Рифеншталь
И в киноновостях,
Как в Рейхе закаляют сталь
И молодежь растят.

Наш фюрер любит и любим,
Мы с ним не знаем бед,
А вы – все это, дескать, дым
И геббельсовский бред.

Ах, Томас Манн, сказал бы я,
Не радоваться грех,
Когда австрийская земля
Вернулась в отчий Рейх.

Судетам согревает дух
Такою же мечтой,
А вы как будто слеп и глух,
Мол, все это – ничто!

Ах, Томас Манн, ах, Томас Манн!
Какой вас точит червь,
Зачем вам нынче чемодан,
Америка зачем?

Ах, Томас Манн, ах, Томас Манн,
Ну, право, так нельзя!
Своя страна – не талисман,
Ее с собой не взять.

Скитаться по чужим краям,
Забыв привычный быт?
А в Рейхе счастлив Караян,
И Штраус не забыт!

Спасут вам книги из огня,
Рассеют смрадный дым,
Скажите только: рад бы я
Стать Фаустом вторым.

Какая мелочь это, впрямь –
Лишь подтвердить пером...
Но до чего же вы упрям,
Твердя, что Рейх – дурдом.

Не будьте, Томас Манн, нахал,
Мы ведь – одна семья.
Привет из Любека! Зиг хайль!
Вас помнящий земляк.

Пометка, сделанная рукой получателя

Германия, родина, во мраке сих лет
Я лишь огонек зажег.
Какой же мне дать земляку ответ,
Когда он с ума сошел?

Как трудно подчас слова подыскать –
Такого не помню давно.
Европу, увы, задавила тоска,
И сдюжить не всем дано.

Живу, тебя на куски не деля,
Чтоб выбрать лучшую часть.
Культура немецкая там, где я.
По меньшей мере сейчас.

Письмо Г. Манну

Предположительно в 1940 году

Здравствуй, Генрих, ну как
Твои звездные выси?
Извини, что рука
Чуть медлительней мысли...

В прошлый раз не успел
Поделиться о главном:
Наплевать на успех,
Если дома неладно.

Или проще – беда,
Но любовью сыновней
Я с Германией. Да.
Лишь не с этой. С иною.

Там, где власть подлеца,
Просто не о чем спорить,
Нужно ждать лишь конца
(Уповаю на скорый).

Нынче Вагнер – не мой,
Мой – иной, непохожий.

Фридрих Шиллер – немой,
Да и Гёльдерлин тоже.

Эти хриплые Sieg
Понимаю хотя я, –
Не немецкий язык,
Но язык негодяев.

Сквозь коричневый чад
Каждый шаг, как на ощупь,
Слышу – птицы кричат
Возле сгубленной рощи.

Даже птицы! И мне ль
Вдруг лишать себя речи,
Когда ложь, как шрапнель,
Чьи-то души калечит?!

Представляешь талант,
Схожий с липой без листьев?
Вот и наш фатерланд
Точно так мне немислим.

Словно сад без земли,
Что под дождиком мокла,
И без той бузины,
Что глядела нам в окна...

Ничего, будет жизнь,
Вспыхнет свет в темном доме!
Верь, работай, держись.
Обнимаю. Твой Томми*.

* Именно так обращался к брату Г. Манн

Первым делом я хотел бы попросить прощения у ревнителей документальной подлинности, имеющих право упрекнуть меня в том, что, дескать, Томас Манн не был поэтом, и подобного «пропавшего» архива его не существует. Спорить здесь совершенно не о чем. Единственным оправданием себе за предлагаемую ниже композицию я назову творческое право на создание художественного образа реально существовавшего человека, в котором для меня соединились образцовые качества писателя, интеллигента и убежденного антифашиста. Впрочем, надеюсь, знающие, что именно автору «Будденброков», «Смерти в Венеции», «Волшебной горы» и других литературных шедевров, покинувшего нацистскую Германию в 1933 году, принадлежат слова: «Где я, там и немецкая культура» (обычно цитируется по публикации Г. Манна «Мой брат»), – знающие, что именно он в своей статье «Германия и немцы» раскрыл как никто другой загадочные глубины духа своего народа (в частности, через отношение к музыке), – такие знатоки его биографии не найдут в моих строках принципиальных искажений. Ну а о том, насколько эпоха Томаса Манна отличается от нашей или насколько, может быть, схожа с нею – это пусть определяет каждый для себя сам. В данном случае соглашаться с моими ощущениями совершенно не обязательно.

Париж

